

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМЫ ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 09-06-90727 – моб.ст).

Рассматривается возможность применения коммуникативного подхода к исследованию проблемы деформации личности. На примере химически зависимой личности показаны особенности деформации коммуникативного мира личности. Представлены результаты исследования химически зависимой личности в виде кластерной модели факторов транскоммунитивного потенциала.

Ключевые слова: личность; коммуникативный подход; психологические особенности личности; модель коммуникативного мира личности.

Проблема деформации личности в современной психологической науке является актуальной, но недостаточно изученной. Кроме того, изучение особенностей деформаций, имеющих коммуникативную природу, значительно сужает ракурс ее рассмотрения. Анализ соответствующей литературы, посвященной данной проблеме, позволил сделать вывод о том, что на сегодняшний день в психологии нет четких критериев, механизмов, классификаций, описывающих феномен деформации личности. Мы считаем возможным расширить диапазон рассмотрения проблемы деформации личности, определив ее коммуникативную природу.

Коммуникативный подход к проблеме деформации личности дает возможность изучения личности с позиций взаимодействия субъекта с внешним миром, окружающими людьми, а также самим собой. В связи с этим акцентируется внимание на изучении так называемых видов деформаций, имеющих патологический коммуникативный аспект.

Парадоксы патологической коммуникации, описанные Г. Бейтсоном в концепции «double bind», детерминируются внутренней и внешней активностью личности и понимаются как структура личностных проблем, трансконтекстуальных синдромов, психопатологической симптоматики [1]. Из этого следует, что в условиях деформации коммуникативного мира личности проявляются противоречия между личностью и социальной средой, личностью и внешним коммуникативным пространством, обусловленные особенностями формирования специфических коммуникативных состояний. Анализируя проблемы личностной деформации, Г. Бейтсон показал, что при химической зависимости человек, конструируя свой опыт и взаимодействие с миром, искаженно воспринимает человеческое и физическое окружение, что сказывается на интенсивности и активности процессов его коммуникации во взаимодействии с этим окружением.

Патология коммуникации также ярко проявляется при аутизме, психологической основой которого является искажение предметного мира аутиста, превращающегося в искаженную реальность. Аутизм является системным нарушением, релевантным всей психологической системе в целом, ограничивающим суверенность личности [2]. Таким образом, с одной стороны, причины психопатологической симптоматики находятся в самой коммуникации, а с другой – патологическая коммуникация является показателем деформации многомерного мира человека.

В контексте вышесказанного органичным является определение В.П. Подвойского, который считает, что деформация – это интенция на изменение (утрату, несогласование) взаимодействия между людьми в условиях однородной коммуникативной среды [3]. Приведенные понятия, определяющие проблему деформации личности, демонстрируют попытки выявить коммуникативную природу феномена деформации личности.

Мы считаем, что наиболее перспективным направлением в исследовании особенностей деформации личности является коммуникативный подход. В рамках данного подхода деформация личности может выступать как результат неэффективного, разрушающего коммуникативного взаимодействия субъекта с внешним коммуникативным пространством.

В концепции транскоммуникации В.И. Кабрина коммуникативный мир личности представлен транскоммунитивным потенциалом. В связи с этим транскоммунитивные процессы (состояния, отношения) представляются как обратимые переходы и новые синтезы между разными видами, формами, уровнями и мирами человеческих коммуникаций, на основе их универсальной информационно-энергетической природы. Личностное развитие человека является фундаментальной категорией концепции транскоммуникации и предстает как транскоммунитивный синтез жизненных миров, определяющих сущность многомерного мира человека. Личностная незрелость в рамках этой концепции понимается как недоразвитие высшего уровня коммуникации. Ключевыми факторами личностного роста являются коммуникабельность как свойство личности (характеризует уровень общей жизнеспособности) и транскоммунитивность, отвечающая за развитие потенциала личности [4]. В соответствии с этим А.У. Хараш указывает на то, что содержанием психической жизни субъекта является не *закрытое*, «внутрииндивидуальное» пространство, ограниченное поверхностью кожного покрова, а пространство коммуникаций и взаимодействий между людьми, которое выступает условием *открытости* человека в мир (культуры, социума, природы) [5. С. 31–46].

А.У. Хараш различает интросубъектный и интерсубъектный подходы к пониманию процесса коммуникации. В этом контексте коммуникация является не только функцией, организующей связи и контакты между людьми. Коммуникация детерминруется интерпсихической деятельностью каждого субъекта, порождая тем самым интенцию к межличностной коммуни-

кации [5]. Диалогичность как коммуникативное состояние характеризует межличностную коммуникацию и выражается в степени обращенности субъектов друг к другу. Коммуникативное состояние определяется уровнем готовности человека к приему со стороны других людей разного рода воздействий, под влиянием которых происходит трансформация личностной и деятельностной сферы жизни субъекта. Коммуникативное состояние не является статичным, оно изменяется в процессе взаимодействия с субъектом.

Таким образом, можно заключить, что коммуникативное состояние возникает в процессе общения на внутриличностном уровне, затем выходит за его рамки в сферу межличностного взаимодействия, где встречается с коммуникативным состоянием «Другого», порождая тем самым новое пространство «между» как уникальную онтологическую реальность [6]. Это пространство является первостепенной формой человеческой действительности, существующей только в природе человеческих отношений и коммуникаций.

В.Е. Ключко в теории психологических систем было показано, что коммуникация входит в структуру самоорганизации и ментального пространства личности, выражающего динамичность и направленность отношений человека к действительности [7]. В соответствии с этим можно предположить, что деформация коммуникативного мира личности приводит к распаду психологической системы человека. Методологическое решение проблемы субъект-объектного раздвоения конституирует единство отражения и отношения, позволяет по-новому смотреть на деформацию многомерного мира человека. Измерения многомерного мира человека – предметное сознание (пятимерный мир), смысловое сознание (шестимерный мир), ценности (семимерный мир) – позволяют изучать психологические причины распада психологической системы человека.

Таким образом, личность зависимого человека вызывает особый интерес с точки зрения выявления в транскоммуникации внутренних противоречий, деформаций. В условиях деформации многомерного мира химически зависимой личности будущее начинает «сжиматься до настоящего», что отражается в межличностных отношениях, вызывает противоречия между личностью и социальной средой. В.Е. Ключко отмечает: «...медикаментозная деформация многомерного мира (наркотики и т.д.), меняющая значения, смыслы, ценности как субъективные координаты мира человека, переносящие человека в узкий слой настоящего (здесь и сейчас) – все это не признаки распада психологической системы – это распад» [7. С. 110]. Б.С. Братусь указывает на то, что в процессе развития человека происходит расширение круга связей и отношений с окружающим миром, а при определенных обстоятельствах – их сужение или видоизменение (старость, болезнь, наркотики и т.д.) [8]. Таким образом, химическая зависимость представляется ярким примером деформации многомерного мира человека и распада его психологической системы.

В связи с этим интересным представляется психодинамический подход к проблеме формирования зависимости как следствия нарушения программы психического развития человека с самого начала его жизненно-

го пути, затрагивающего сферу взаимоотношений с родителями и другими близкими людьми. В контексте психоаналитической концепции зависимость связана с примитивными инстинктами, ищущими своего удовлетворения в удовольствии, а также системой защитных механизмов, где аддиктивное поведение детерминруется бессознательным стремлением к смерти и уходу от жизненных проблем.

Теория проблемного поведения постулирует, что основные системы организации личности, когнитивные образования и социальный опыт вследствие нарушения взаимодействия с окружающей средой порождают тенденции в поведении, определяемые как склонность к проблемному поведению [9].

Э. Берн в рамках своего подхода также демонстрирует проблему возникновения многочисленных нарушений в психологических структурах личности, имеющих коммуникативную природу. Его концепция о трехпозиционной внутренней структуре личности позволила рассматривать зависимость как следствие сценарного нарушения во внутриличностных структурах человека на уровне его «Я» – отношение к себе, «Вы» – отношение к близким и «Они» – отношение к людям вообще [10].

В междисциплинарном аспекте, медицинском и социально-психологическом, химическая зависимость является собой психопатологию, которая может быть локализована на разных уровнях организации человека – физиологическом, психологическом, социальном, культурном, духовном и др. Зависимость на одном уровне часто является причиной зависимости на другом уровне. Так, Б.В. Зейгарник показала, что зависимость от наркотических веществ искажает взаимосвязь организма и психики. В своих исследованиях она писала: «Болезненный процесс создает особые, не имеющие аналога в нормальном развитии условия функционирования психологических механизмов, которые приводят к искаженному патологическому развитию личности» [11. С. 9–14]. Отдельные личностные свойства деформируются под воздействием употребления химических веществ, а с развитием зависимости вовсе разрушаются.

Интересными также представляются взгляды К.Г. Юнга на природу химической зависимости, которая наиболее ярко демонстрирует проблему деформации личности. Согласно К.Г. Юнгу, у каждого человека есть устремленность к индивидуации или саморазвитию. В связи с этим психика имеет врожденное стремление к целостности. Однако на протяжении жизни в определенных условиях и под воздействием различных (био-, психо-, социодуховных) факторов могут возникать нарушения и трудности, препятствующие развитию личности и самореализации [12]. Примером такого нарушения может быть химическая зависимость. Употребляя наркотики или алкоголь, личность деформируется и распадается на субличности (больную и здоровую); чем дольше человек употребляет, тем меньше в нем остается здоровой субличности. Личность постоянно находится в когнитивном диссонансе, конфликте с внешним и внутренним коммуникативным пространством. Таким образом, личность, стремясь к психологическому равновесию, вновь прибегает к химическим веществам, чтобы компенсировать противоречия и восстановить транскоммуникативную целостность.

Личность в транскомуникативном аспекте представляется системой разнопорядковых миров. Нормальная траектория развития коммуникативного мира личности предполагает движение, развитие и выход за границы самой себя с целью самосовершенствования. Коммуникация является системным признаком всех уровней человеческой жизни, детерминируемая Энергией, Информацией, Пространством, Временем. Она характеризуется коммуникативными транс-состояниями, проявляющимися в росте экзистенциальной открытости, в гармонии с ростом перспективной трансцендирующей избирательности в смысловом пространстве ТК-мира, обуславливающей общий рост личности, или коммуникативными стресс-состояниями, характеризующимися экзистенциальной центрацией в факторах транскомуникативного потенциала личности. Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятие центрации в некотором смысле соотносится с понятием закрытости и проявляется во внешнем и внутреннем коммуникативном пространстве личности.

В контексте вышесказанного эмпирическая часть нашего исследования определяется изучением деформации, противоречий в коммуникативном мире химически зависимой личности. Для этого нами использовался «Метод моделирования коммуникативного мира личности» (ММКМ) В.И. Кабрина, который позволяет реконструировать базовые координаты жизненного мира личности как коммуникативного пространства: коммуникативное пространство (внутреннее и внешнее) и коммуникативное время. В исследовании приняли участие 50 человек, проходивших курс реабилитационного лечения в Центре реабилитации наркозависимых «Перекресток семи дорог» г. Иркутска. В данной статье представлены результаты, выявленные с помощью факторов транскомуникативного потенциала личности, которые отвечают за личностный рост.

Результаты исследования были подвергнуты кластерному анализу. Анализ кластерной модели параметров транскомуникативных состояний в коммуникативном мире химически зависимой личности позволил выделить семь основных кластеров (рис. 1).

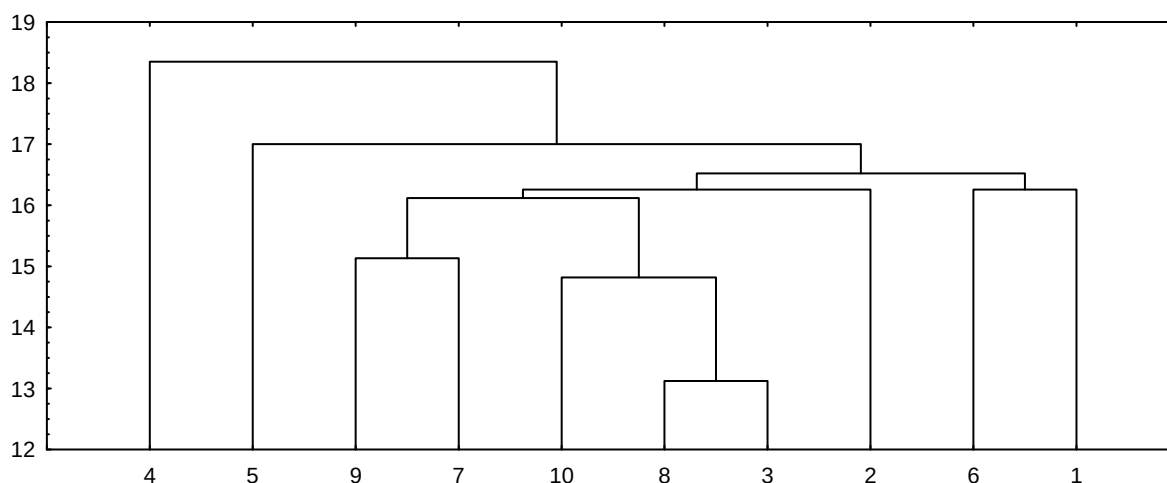

Рис. 1. Кластерная модель факторов транскомуникативного потенциала химически зависимой личности: 1 – ретроспективная значимость избранных темы и партнера (КТС); 2 – актуальная значимость избранных темы и партнера (КТС); 3 – перспективная значимость избранных темы и партнера (КСС); 4 – значимость избранной темы (КСС); 5 – значимость близкого избранного партнера (КСС); 6 – ретроспективная значимость открытых тем и партнеров (КСС); 7 – актуальная значимость открытых тем и партнеров (КСС); 8 – перспективная значимость открытых темы и партнера (КТС); 9 – значимость темы, обсуждаемой с самым большим количеством партнеров (КТС); 10 – значимость партнера, с которым обсуждается наибольшее количество тем (КТС)

Первый кластер (3 и 8) свидетельствует о нестабильности и выраженном дисбалансе внутренних транскомуникативных состояний. Личность испытывает как КСС, так и КТС. Также факторы данного кластера указывают на то, что личность живет событиями иллюзорного будущего. Иллюзорность проявляется в отсутствии взаимосвязи будущего с настоящим и прошлым.

Второй кластер (10 и 3, 8) указывает на то, что личность испытывает КТС при общении со значимым партнёром ретроспективных тем. Это свидетельствует, с одной стороны, об открытости личности в процессе общения с внешним коммуникативным пространством, и о реверсивной динамике развития личности – с другой, т.к. обсуждаемые темы находятся в ретроспективе, т.е. в прошлом. Данная тенденция характерна для зави-

симой личности, т.к. зависимым свойственно жить прошлым и транслировать свои прошлые жизненные события и достижения в эфемерное настоящее.

Данные ТК-факторов третьего кластера (7 и 9) показывают биполярность К-состояний. Личность в равной степени испытывает как КТС, так и КСС, что свидетельствует о нестабильности и хаотичности в переживании коммуникативных состояний. То есть зависимая личность в актуальном времени из открытых интересов и проблем чаще всего выбирает проблемы, что характеризуется стресс-состоянием. Однако можно предположить, что обсуждая значимые проблемы с самым большим количеством партнёров, происходит отреагирование этих проблем, снимается напряжение и, таким образом, стресс-состояние заменяется транс-состоянием.

Четвёртый кластер (2 и 3, 7–10) показывает превосходство актуальной значимости избранных темы и партнера и свидетельствует о важности его сегодняшних проблем над остальными ТК-факторами. Для зависимой личности характерно проявление эгоистичности в поведении и поступках. Ей необходимо решить всё здесь и сейчас, причем проблемы и интересы других людей игнорируются.

Пятый кластер (1 и 6) свидетельствует о дисбалансе внутренних транскоммунитивных состояний, личность испытывает как КСС, так и КТС. Также факторы данного кластера указывают на фиксированность личности на прошлых событиях и обстоятельствах. При этом отсутствует взаимозависимость с настоящим или будущим. Необходимо также отметить, что значимые интересы (проблемы) находятся в фокусе ментальности химически зависимой личности.

Шестой кластер (5 и 1–3, 6–10) указывает на значимость близкого избранного партнера над остальными ТК-факторами. Его малая шкала указывает на низкую способность к эффективному взаимодействию с внешним коммуникативным пространством.

Седьмой кластер (4 и 5) выделяет доминирующим фактором ТК-состояний значимость избранной темы. Это свидетельствует о том, что химически зависимый человек больше ориентирован на субъективные проблемы и обстоятельства, сопутствующие его жизни, преследуя при этом сугубо личные интересы, чаще всего связанные с употреблением ПАВ или его последствиями которые и проявляются в КСС.

Исходя из полученных результатов кластерной модели химически зависимой личности, можно сделать вывод о том, что доминирующим показателем в кла-

стерной модели является показатель коммуникативного стресс-состояния.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1. Коммуникативный подход к исследованию личности химически зависимого позволяет выявлять деформацию, противоречия как в личности, так и во взаимодействии личности с социальной средой, осуществлять диагностику для реабилитационной и психотерапевтической работы.

2. Результаты исследования по «Методу моделирования коммуникативных миров личности» В.И. Кабрина позволили создать кластерную модель коммуникативного мира химически зависимой личности. Кластерная модель показывает тенденции в коммуникативном мире химически зависимой личности, где происходит блокирование стрессом роста личности и перехода личности в транс. Преобладающие факторы демонстрируют значимость избранной темы и значимость избранного партнера, а также ретроспективную значимость избранных и открытых темы и партнера. Эти тенденции демонстрируют причины формирования химической зависимости.

3. В условиях деформации коммуникативного мира химически зависимой личности проявляются противоречия между личностью и ее внешним коммуникативным пространством. Были выявлены некоторые особенности, характеризующие тенденции в коммуникативном мире химически зависимой личности.

4. Химически зависимой личности присуще состояние эмоционального вакуума или фиксированности на наиболее выраженных эмоциональных состояниях негативного характера. Коммуникативный мир химически зависимой личности в большей степени характеризуется переживанием коммуникативного стресса во внутреннем коммуникативном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bateson G. Steps to an Ecology of Mind. N.Y.: Ballantine, 1972. 476 p.
2. Ключко А.В. Проблема личности в психологии в контексте понимания человека как открытой системы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2001. 22 с.
3. Подвойский В.П. Методология, теория и педагогические технологии преодоления профессиональной деформации руководителей социально-культурных учреждений: Дис. ... д-ра пед. наук. М., 1998. 411 с.
4. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммунитивный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005. 248 с.
5. Хараши А.У. «Другой» и его функции в развитии «Я» // Общение и развитие психики / Под ред. А.А. Бодалева. М.: Изд-во НИИ ОПП АПН СССР, 1986.
6. Бубер М. Два образа веры / Под ред. П.С. Гуревича и др. М.: Республика, 1995. 464 с.
7. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансперспективный анализ). Томск: Том. гос. ун-т, 2005. 174 с.
8. Братусь Б.С. Актуальные проблемы психологического исследования и коррекции алкоголизма // Психологический журнал. 1987. Т. 8, № 2. С. 102–116.
9. Jessor L., Jessor R. Problem Behavior and Psychosocial Development: a Longitudinal Study of Youth. N.Y., 1977. 340 p.
10. Берн Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных. СПб.: МФИН, 1992. 432 с.
11. Зейгарник Б.В. Опосредование и саморегуляция в норме и патологии // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1981. № 2.
12. Юнг К.Г. Исследование процесса индивидуации. Тавистокские лекции. Киев: СИНТО, 1995. 236 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 15 октября 2009 г.